

Для проверки выдвинутых теоритических положений и представленного лингвистического анализа был проведен эксперимент среди студентов-филологов 2-ого курса, которым было предложено ответить на вопросы об их восприятии текстов и их отдельных фрагментов, понимании основных идей текстов.

Основываясь на экспериментальных данных, можно сделать вывод о том, что понимание произведения «Я хочу быть с тобой» различными реципиентами практически не отличается: «человек тоскует по погибшей возлюбленной», «человек в отчаянии от потери любви» и пр.

Идею произведения «Титаник» реципиенты определяли следующим образом:

- «неизбежность», «крушение», «невозможность спастись», «конец света», что свидетельствует о том, что реципиенты в качестве оси рассматривали парадигму Предрешенность.

- «подлость», «поиск виновных», «человеческая халатность и ненадежность», что свидетельствует о том, что испытуемые в качестве оси рассматривали парадигму Предательство.

Данные варианты являются односторонними, т.к. не учитывают все связи, которые можно установить при восприятии произведения на образно-понятийном уровне, а акцентируют внимание лишь на отдельных смысловых узлах.

При учете внетекстовых связей с творчеством автора и течением рок-поэзии возможны следующие понимания текста: «государство, идущее ко дну», «общество в кризисе», т.е. в данном случае речь идет о более широком понимании содержания текста.

Соответственно, экспериментальные данные подтвердили предположение о том, что произведение «Я хочу быть с тобой» обладает меньшей глубиной, чем произведение «Титаник», т.к. степень вариативности содержания последнего оказалась большей.

Таким образом, глубина текста является текстовой категорией, отражающей степень противопоставления языковых отношений отноше-

ям мыслительным. В зависимости от глубины текста выделяются «банальные» и «глубокие» тексты. На примере сравнения текстов Ильи Кормильцева «Я хочу быть с тобой» и «Титаник» были установлены следующие различия «банальных» и «глубоких» текстов:

1. основополагающим различием является соотношение связей между вербальными и «предметными» образами, при их совмещении текст является банальным, чем больше расходятся системы связей образов в тексте, тем большая глубина текста;

2. в «банальных» текстах парадигмы связываются в большей степени за счет языковых средств, при возрастании глубины текста связи между парадигмами осуществляются в большей степени благодаря логическим и ассоциативным связям;

3. количество, оригинальность и высокая степень образности тропов повышает глубину текста;

4. «глубоким» текстам свойственно наличие имплицата.

Перспективы исследования глубины текста заключаются в применении данной текстовой категории для характеристики особенностей идиостилий, отдельных литературных школ и направлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.

2. Правдин М.Н. Анализ содержательной структуры текста / М.Н. Правдин // Сб. научных трудов/МГПИИ им. М. Тореца. – М., 1976. – Вып. 103. – 120 с.

3. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. / Изд. 2-е. — М.: Просвещение. 1976. – 543 с.

4. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина (анализ лексики) / И.И. Степанченко. – Харьков: ХГПИ, 1991. – 189 с.

5. Степанченко И.И. Стилистический анализ цикла «Персидские мотивы» С.А. Есенина / И.И. Степанченко. – Харьков: ХГПИ, 1988. – 59 с.

УДК:811.161.1'282.3

Г.Н. Карнаушенко

ЭЛЕМЕНТЫ «ТЕКСТА ПУТИ / ДОРОГИ» В РУССКИХ ГОВОРАХ И ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ СЛОБОЖАНЩИНЫ

Карнаушенко Г.Н.

ЕЛЕМЕНТИ «ТЕКСТУ ШЛЯХУ / ДОРОГИ» У РОСІЙСЬКИХ ГОВІРКАХ І ТРАДИЦІЙНІЙ НАРОДНІЙ КУЛЬТУРІ СЛОБОЖАНЩИНИ.

У статті розглядаються терміни «текст шляху» і «текст дороги», пропонується використовувати єдиний термін «текст шляху/дороги» для етнолінгвістичних досліджень. Проаналізована лексика дороги російських говірок Слобожанщини і вірування, пов'язані з дорогою. Показана суперечливість образу дороги, обумовлена переплетенням буденного і міфологічного типів свідомості.

Ключові слова: етнолінгвістика, діалектологія, текст шляху, текст дороги, лексика дороги, народна культура, російські говірки, Слобожанщина.

Карнаушенко Г.Н.

ЭЛЕМЕНТЫ «ТЕКСТА ПУТИ / ДОРОГИ» В РУССКИХ ГОВОРАХ И ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ СЛОБОЖАНЩИНЫ

В статье рассматриваются термины «текст пути» и «текст дороги», предлагается использовать единый термин «текст пути/дороги» для этнолингвистических исследований. Проанализирована лексика дороги русских говоров Слобожанщины и верования, связанные с дорогой. Показана противоречивость образа дороги, обусловленная переплетением обыденного и мифологического типов сознания.

Ключевые слова: этнолингвистика, диалектология, текст пути, текст дороги, лексика дороги, народная культура, русские говоры, Слобожанщина.

Karnaushenko H.N.

ELEMENTS OF «TEXT OF WAY / ROAD» IN RUSSIAN DIALECTS AND TRADITIONAL FOLK CULTURE OF SLOBOZHANSCHCHYNA

The article considers terms «text of way» and «text of road», a single term «text of way/road» is suggested to use for ethnolinguistic researches. The vocabulary of road in Russian dialects of Slobozhanshchyna and road-related beliefs are analyzed. The contradiction of appearance of road, conditioned by interlacing of ordinary and mythological types of consciousness, is shown.

Keywords: ethnolinguistics, dialectology, text of way, text of road, vocabulary of road, folk culture, Russian dialects, Slobozhanshchyna.

В современной гуманитарной научной литературе встречаются такие термины (или полутерминологические сочетания), как «текст пути» и «текст дороги». Несмотря на то, что предложены они представителями разных наук и имеют соответственно различное значение, в них есть очевидные близкие или даже общие черты. Рассмотрим, что понимают под названными терминами их авторы.

Сочетание «текст пути» употребляет Н.Д. Арутюнова в статье «Путь по дороге и бездорожью» в одном из выпусков сборника «Логический анализ языка» [1]. Под «текстом пути» исследователь понимает «целый текст – поэтический или прозаический», охваченный метафорой пути. Это следующий этап развития, расширения данной метафоры после отдельного, изолированного употребления слов с «метафорическим потенциалом», означающих «пути и маршруты». Метафора пути может «даже определять жанр повествования» (отсылка к работам: [8; 9; 6]). «В текст пути, – отмечает Н.Д. Арутюнова, – обычно вовлечен богатый лексикон слов, относящихся к движению и наименованиям дорог» ([1, с. 12]. Подчеркивание наше. – Г.К.). Далее ученый уточняет характеристику «текста пути»: «В нем общее метафорическое значение слова *путь* как бы реализуется на фоне *дороги*. Иными словами, в состав обобщающей текстовой метафоры вводится конкретный фон, дающий ключ к ее интерпретации. Состояние «дороги» может определять душевное состояние путника или те препятствия, которые он встречает на пути» (там же). Далее Н.Д. Арутюнова рассматривает конкретные примеры «текста пути» – «текстовое расширение метафоры пути в поэзии Бло-

ка и в прозе Достоевского».

Сочетание «текст дороги» используется в фундаментальной монографии этнолога Т.Б. Щепанской (12). «Пространство дороги, время, вещи и действия, как и словесные формы, мы рассматриваем как элементы текста «дороги», и наша задача – реконструировать процесс считывания с них информации» ([12, с.13]; подчеркивание наше. – Г.К.).

Как мы видим, в двух рассмотренных случаях понимания близких по форме терминов обращается внимание на комплексность изучаемого объекта («дорогу можно рассматривать как мегатекст», – пишет Т.Б. Щепанская) и на включенность значительного количества словесных форм, в частности, лексики, связанной с названиями дорог. Думается, что применение объединенного термина «текст пути / дороги» может быть достаточно плодотворным для такой комплексной науки, как этнолингвистика. При этом важно подчеркнуть, что для этнолингвистического понимания этого термина важны как эмоционально-ментальные характеристики «человека на дороге», рассматриваемые в литературоведении или в лингвистическом анализе текста, так и «связанные с дорогой ритуалы и фольклорные тексты», являющиеся объектом изучения этнографии, этнологии и фольклористики.

Исходя из такого целостного понимания, можно считать, что к элементам «текста пути / дороги» относятся и лексика дороги, в частности, названия дорог, и верования, связанные с дорогой, и ритуалы, производимые на различных этапах прохождения дороги, и символическое понимание пути как движения жизни, представленное в язы-

ке и в обрядах. Все названные элементы «текста пути / дороги» заслуживают подробного изучения на материале различных зон Славии, но, как нам представляется, особое внимание должно быть уделено лексике русских говоров. Наше мнение основывается на особой значимости идеи пути для русского народного сознания и на нынешнем уровне развития этнолингвистики.

Для «толстовского» варианта этнолингвистики характерно особое внимание к диалектным данным: это связано с тем, что Н.И. Толстой убедительно доказал: реконструкция древней праславянской картины мира возможна только с учетом «диалектологии культуры», то есть в результате изучения региональных вариантов славянских культурно-языковых (а также ментальных, психологических) комплексов. Степень же изученности отдельных элементов этих комплексов различна для разных регионов. Е.Л. Березович справедливо отмечает: «Народный лексикон не только не получил до сих пор удовлетворительного лексикографического описания, но даже не собран с достаточной полнотой» [2, с. 11]. Диалектные идиомы отдельных регионов изучены еще крайне слабо и не имеют соответствующих областных диалектологических словарей, а тем более атласов. Такая ситуация характерна для большей части русских говоров Слобожанщины.

На формирование менталитета русского народа оказали значительное влияние его исторические судьбы и географическая среда. С одной стороны, сложные отношения (в том числе, и противостояние) с «кочевой степью», с другой – постоянные передвижения. «Разные формы подвижности: земледельческая колонизация, сезонная промысловая миграция, вооруженные набеги и разбойничьи экспедиции, отхожие промыслы, обозная торговля, нищенство, странничество по святым местам и др. – были заметным фактором русской этнокультурной, а временами и политической истории» [12, с. 8]. В результате формирования Российского государства представители русского этноса расселились (с разной степенью плотности) на обширных пространствах Евразийского материка. По мнению Т.В. Щепанской, русские – движущийся этнос с самосознанием оседлого [Там же]. И все же «культура дороги» занимает важное место в русской этнической культуре.

Осмысление восприятия дороги в русской лингвокультуре может помочь глубже понять как национальный менталитет, так и его отражение в языке. При этом, на наш взгляд, целесообразно учитывать все разновидности этнической лингвокультуры: элитарную, соотносимую с литературным языком, народную (традиционную), представленную в фольклоре и диалектах, «просторечную» и субстандартную. Имеющиеся на сегодня исследования [1; 5 и др.] касаются, прежде всего, «идеи

пути» в литературном языке и художественных произведениях. Ряд работ посвящен концепту пути в различных жанрах фольклора [3; 6; 7]. Диалектный (неритуальный) язык в названном аспекте исследован, на наш взгляд, мало, хотя значительный материал, представленный в нескольких работах по местной географической терминологии, может быть осмыслен в когнитивистском и этнолингвистическом планах.

Особое значение, по-видимому, имеют данные переселенческих русских говоров. Они не только могут фиксировать архаичные лексемы, формы, значения, утраченные в материнских говорах, но и отражать более пристальное внимание к идее пути. К таким переселенческим говорам относятся русские диалекты Слобожанщины, которые представляют собой островки среди украинского окружения.

По данным нашего полевого сбора в русских селах центральной Слобожанщины (в основном Харьковщины, отчасти Сумщины и Белгородщины), лексика дороги представлена достаточно обширно и разнообразно. Выделяются следующие группы: дорога по величине («*большая дорога*» + «*дорожка*»); дорога по способу прокладывания; дорога по отношению к географическим объектам; дорога по качеству; дорога по материалу; дорога по связи с первоначальными средствами передвижения; дорога по конфигурации; дорога по степени загруженности; дорога по степени использования; части дороги: повороты, развилки, перекрестки. Например, к названиям с общим значением «*большая проезжая дорога*» в современных русских говорах Слобожанщины относятся: *большак, грёйдер, дорога, путь, столбовая дорога, тракт, трасса, шлях*.

Для менталитета русского народа важно разграничение дороги и бездорожья. Н.Д. Арутюнова пишет: «Для нашей страны – страны бездорожья и беспредела, беспутства, распутицы и Распутиных, стихии, хаоса и безудержной воли «на просторах родины чудесной» – понятия дороги и пути играют необычайно большую роль (гораздо большую, чем в других европейских культурах) в семантике, метафорике, символическом, художественном творчестве. Они определяют сам способ мышления о жизни и человеке. Можно было бы даже утверждать, что ПУТЬ – это своего рода якорь спасения, брошенный человеку в бушующем океане стихии и хаоса» [1, с. 3].

Поэтому важное место в «мини-текстах дороги» жителей русских сел Слобожанщины занимает информация о возможности прохода по твердому пути (например, *грёйдер* – дорога, идущая по насыпи (и широкое ответвление к дому от этой дороги, тоже насыпное): «*Пайд'ём на грёйдеру. Сдѣлали йийѣ так'у высьоку, титерь и в доиши ни лёзиш по гр'язи*» (подаем в условной

траскрипции) (с. Лебяжье Зачепиловского района Харьк. обл.).

Особенно выделяются мощёные дороги как самое надежное противостояние бездорожью. Они в русских говорах Слобожанщины называются *сошá, соше́, маш'инная доро́га, мощеная доро́га, тракт*. Такие дороги вызывают положительные эмоции: «*В окружную, по маш'инной доро́ге, хоть долге́й, зато л'учче*». (с. Старая Покровка Чугуевского района Харьк. обл.), а нарушители целостности дороги вызывают осуждение: «*Пáвка на своем тра́кторе усё саше́ разбил*» (Там же).

Если дорога не покрыта, она может порадовать от дождей, и приходится искать другой вариант прохода: *распра́вна доро́га, распра́вна го́рка* – дорога, пролегающая по возвышенности: «*На Бл'япкиной го́рке така́я-то гряз'юка, пойд'у на распра́вну*».

Особой осторожности требуют дороги, пролегающие по болотам. К названиям таких дорог относятся: *лежнёвка* (дорога по лежням через болото), *топистая дорога* (сырая дорога через болото), *трясинистая дорога* (дорога, пролегающая по болоту): «*По трясинистой дороге опасно ехать*» (с. Караечное Волчанского района Харьковской обл.).

Особый разряд слов среди дорожных наименований составляют названия дорог по качеству. Так как качество и состояние дорог зависит в изучаемом регионе от погодных условий и одна и та же дорога может быть охарактеризована как плохая и как хорошая в разные времена года, то однозначных терминов в данной группе почти нет, – это обычно двусловные наименования, которые не успевают терминологизироваться. Из-за того, что в изучаемом крае больше грунтовых дорог, чем мощёных, дороги часто приходят в плохое состояние. Отсюда группа названий со значением «плохая дорога» больше, чем группа со значением «хорошая дорога». Представим несколько примеров с этими значениями:

бездорожье – дорога, размытая дождями, грунтовая дорога:

«*По йетому бездорожжю и хлеба ни привьзут, не то штоп кино*» (Старая Покровка Чугуевского р-на Харьковской области);

Бездорожье – дорога, размытая дождями: «*По бездорожью к нам и ездят*» (Уды Золочевского р-на)

накатанная дорога – хорошая дорога:

«*Накатанную сычас тоже разбили, глину на мост возють*» (Старая Покровка Чугуевского р-на).

трясинистая дорога – топкая дорога:

«*Шоп проехать по трисинистой дороге, рубили хворост, накладали и тады ехали*» (с. Караечное Волчанского района Харьковской обл.).

узверченнная дорога – неровная, кочкообраз-

ная дорога :

«*Чего узверченнная? Та того, што телят ганяли*» (Старая Покровка Чугуевского р-на).

Ухабы – дорога с неровной поверхностью: «*Ну, говорить у нас так. Это вот-то ровно, то бугристо, то подьём, то нис, то ровно*». (Ольховатка Великобурлукского р-на).

Если дорога не выложена камнем, щебёнкой (*бульжнная дорога, бут, мостовая дорога*), асфальтом (*шоссе – соша, соше, сошейная дорога*), то это просто полоса утрамбованной земли, грунта (*торная дорога, грунтовая дорога, земляная дорога*). Концепт «земля» обладает позитивным ассоциативным потенциалом, поэтому в речи жителей русских сел Слобожанщины встречаем высказывания, в которых проявляется принимающее и мягкое отношение к дороге «из земли» и «по земле»:

«*По грунтовой лучче усего итить, аж мякко*» (Введенка Чугуевского р-на).

Очевидно, для носителей русских говоров Слобожанщины цель пути, то, к чему ведет дорога, важнее, чем ее качество, чем ее предметная сущность:

«*На Ковалёву гору вон – соша, а там наполовину земляная дорога, туда мы ходим в церковь*» (Большие Проходы Дергачевского р-на).

Можно высказать предположение, что для ментальности русских слобожанских диалектоносителей близка позиция, сформулированная в известном фильме: «Главное, чтобы эта дорога вела к храму». В таком случае смыкается семантика, которую выявила Н.Д. Арутюнова для слов *путь* и *дорога* в русском литературном языке [1].

Таким образом, мы видим, что для ментальности носителей русских говоров Слобожанщины характерно не только предпочтение ровного чистого сухого пути грязи, болоту, топкости, неровности (= хаосу), но и более теплое, человеческое отношение к дороге “из земли”. Другие проявления менталитета в лексике и текстах дороги нуждаются в дальнейших исследованиях.

Французский археолог и этнограф Андре Леруа-Гуран выдвинул положение о двух главных видах восприятия пространства – «маршрутном» и «радиальном» [13, с. 155 – 161]. Если система концентрических кругов и членение пространства на «свое» и «чужое» соотносится с «радиальным» видом восприятия пространства и свойственно крестьянину, то «маршрутное» восприятие характерно, скорее, для охотников. «Естественно, что охотник прежде всего называет линии – «маршруты», пространства между ними, а также «отдельные точки» на линиях» [Матвеев 1986, 133]. Значительное число названий дорог, просек, троп и их частей в русских говорах центральной Слобожанщины объясняется типом хозяйственного освоения территории. *Земляная дорога* – грунтовая

дорога (Завг. Бал.), *зимник* – дорога, по которой ездят только зимой (Кравц. Шевч.), *извиличатая дорога* – извилистая дорога (Кар. Волч.), *каменка* – камнем выстланная дорога (Арк. Шевч.), *колесо* – поворот на дороге (Кравц. Шевч.), *колесная дорога* – дорога, по которой можно ехать на любом транспорте (Алекс. Изюм.) и др.

Дорога может восприниматься как часть пространства, «вписываться» в окружающую среду, быть ориентиром для нахождения другого пространственного объекта. Так, в русских говорах Сумской области слово *большавик* «проезжая дорога» встречается в следующем контексте: «*Коло большавика построили новый магазин*» (с. Печины Тростянецкого р-на). Слово *дорога* представлено в иллюстрации диалектной речи к слову *глюд* «боярышник»: «*Глюд всегда растет над дорогой, он от сердца помогает*», а слово *грейдер* «дорога» зафиксировано в таком контексте: «*Грейдером едь и едь, а там избочь буде сяло Качановка*» (10, с. 15; 33; 36).

Наиболее естественным образом в пространство вписываются небольшие дорожки, протоптанные пешеходами и животными в поле, лесу и т. д. С общим значением «дорожка» в русских говорах Харьковщины употребляются лексемы: *дорожка, тропинка, тропка, стёжка, стёжечка*. Наиболее распространенными на изучаемой территории являются лексемы *дорожка* и *стёжка*. Первое слово поддержано литературным языком, второе – украинским окружением. Приведем примеры из материалов наших полевых диалектологических обследований (контексты приводятся в условной транскрипции).

Дорожка – небольшая дорожка для пешеходов (Ал. Из.).

Стёжка – узенькая дорожка для пешеходов. «*Па стёшкам пняшком ходють / ну йишишо на лисапедях*» (Кар. Волч.).

Стёжечка – дорога в лесу (Р. Лоз. Дерг.).

Тропка – узкая, протоптанная дорожка (Б. Прох. Дерг.).

Тропинка – небольшая, узкая дорога. «*Узинькая дарога / то тратинка*» (Б. Прох. Дерг.).

Представим лексемы со значениями «дорожка в лесу» и «дорожка в поле», употребляющиеся в русских говорах Харьковщины.

Дорожка – небольшая дорожка в поле для пешеходов. (Ал. Из.).

Дорожечка – дорога в лесу. (Р. Лоз. Дерг.).

Стёжка – дорога, ведущая в лес. «*Эта стёшка и привядёт вас к раднику // стёшка / дарошка / хто сак завуть / в одном сяле так / у другом так*» (Ольх. В.-Бурл.).

Стёжка – узкая тропинка в поле, в лесу. «*Вон туда сласьте / иде куры / вон туды стёшка*» (Б. Прох. Дерг.).

Стёжечка – дорога в лесу. (Р. Лоз. Дерг.).

Тропинка – небольшая дорожка в лесу. (Ал. Из.).

Тропка – дорожка в лесу. (Р. Лоз. Дерг.)

Если дорога или дорожка в лесу связана с вырубкой деревьев для прохода, она в русских говорах Харьковщины называется *просека* (с ударениями на (о) или на (е)) или *линейка*. Приведем данные слова с контекстами употребления.

Просека – прорубленная дорога в лесу. «*Па просеке машины ни йездють / там большэ пешки ходють*» (Ст. П. Ч.).

Просека – прорубленная в лесу широкая дорога. «*Лашадьми йездять / и машиной / сматрять как // в лясу // а тратинка тонкая / на паляну ходять*» (Ольх. В.-Бурл.)

Линейка – определенная межа, ограничивающая вырубку. «*Эта дарога така в лясу / дярэвья парубили с той и с той стараны / и вот дарога палучаеца / но уся ана ни вырубляна*» (Ольх. В.-Бурл.).

Контексты показывают, что лексема *просека* варьируется в разных частных диалектных системах и фонетически, и семантически. Вариантной семой является «способ использования человеком».

В еще большей степени «человеческий фактор» присутствует при осмыслении пространства и дороги как его части в рамках традиционной народной культуры. По данным экспедиционного сбора этнолингвистического материала, дорога в верованиях жителей русских сел Слобожанщины воспринимается как зона небытия, чуждая и враждебная человеку, населяется демоническими сущностями. Так, в с. Староверовка-1 утверждают, что ночью по дорогам бродит ведьма. Дорога неразрывно связана с вредоносными магическими действиями (особенно это касается перекрестков), опасностью, гибелью. В поверьях, зафиксированных в селе Охочее, приняты такие толкования снов: собираться в дорогу или находиться в дороге: ехать в транспорте, переплывать дорогу – к смерти [11, с. 390]. Такое восприятие дороги носителями русских говоров Слобожанщины соотносится с особенностями ценностного восприятия пространства, характерными для всех славян. «В аксиологии пространства, – читаем в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», – наиболее значимыми являются рубежи и границы, которые осмысляются как «опасные», «нечистые» локусы, места пребывания демонов, душ умерших, болезней». К числу таких рубежей и границ относятся: «граница села, дорога, межа, перекресток, мост, река (шире – любое водное пространство), а также определенные локусы домашнего пространства...» [4, с. 305 – 306].

Таким образом, мы видим, что пространство воспринимается носителями русских говоров Слобожанщины в значительной мере сквозь при-

зму мифологических схем, с актуализацией оппозиций «свое/чужое», «космос/хаос», «человеческое/не-человеческое», но также и по алгоритмам обыденного сознания с элементами научного. Дорога в восприятии жителей русских сел нашего региона является важной частью пространства, «собирает» его, служит ориентиром. В мифологической картине мира русских диалектоносителей Слобожанщины дорога – это граница, опасное место, связанное со смертью и потусторонним миром. Дорога членит пространство, хотя в обыденном сознании – связывает различные части пространства. Образ дороги, следовательно, внутренне противоречив. В целом же можно отметить, что исследование различных элементов “текста пути / дороги” в соотношении с языком и культурой (не только народной, но и элитарной, а также массовой) древнего и нынешнего населения Слобожанщины представляется достаточно важным для понимания специфики нашего региона и для развития островной диалектологии и этнолингвистики.

К перспективам работы также можно отнести выявление влияния украинского окружения на ментальность русских диалектоносителей Слобожанщины, в частности, на их восприятие дороги, и на её отражение в языке, текстах и дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Путь по дороге и бездорожью / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 3 – 17.
2. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
3. Кукушкина Е.Ю. Типы перемещений в севернорусском свадебном обряде (по материалам свадебных причитаний) / Е.Ю. Кукушкина // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 260 – 268.
4. Левкиевская Е.Е. Пространство /

Е.Е. Левкиевская // Славянские древности / Под общей редакцией Н.И. Толстого. – Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 304 – 308.

5. Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока / Д.Е. Максимов // Блоковский сборник. – № 2. – Тарту, 1972.

6. Невская Л.Г., Николаева Т.М., Седакова И.А., Цивьян Т.В. Концепт пути в фольклорной модели мира / Л.Г. Невская, Т.М. Николаева, И.А. Седакова // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. – М., 1998.

7. Никитина С.Е. Роду путешественного... (О концепте пути в русских конфессиональных культурах) / С.Е. Никитина // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 297 – 303.

8. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Из работ московского семиотического круга. – М., 1997;

9. Топоров В.Н. Эней – человек судьбы / В.Н. Топоров. – Ч. I. – М., 1993;

10. Черепанова Е.А., Евграфова А.А., Покуц В.Н., Волкова О.Н. Русские говоры Сумской области: Материалы диалектологических экспедиций / Е.А. Черепанова, А.А. Евграфова, В.Н. Покуц, О.Н. Волкова. – Сумы: Редакційно-видавничий відділ СДП, 1998. – 161 с.

11. Чубова В.Е. ПУТЬ в русской диалектной картине мира (на материале русских говоров Харьковщины) / В.Е. Чубова // Русский язык за пределами России: лингвистический и социально-педагогический аспекты преподавания и изучения на Украине и в других странах. Материалы VI международной научно-практической конференции. – Вып. 6. – Харьков, 2011. – С. 390 – 391.

12. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв. / Т.Б. Щепанская. – М.: Индрик, 2003. – 528 с.

13. Leroi-Gourhan A. La geste et la parole. / A. Leroi-Gourhan. – П. – Р., 1965.